

Я, помню, совсем маленьким был, еще на коленях у деда сидел – а он на клочке бумаги рисовал. И обязательно приговаривал: «Вот это – озеро... А вот тут мы к нему хвостик приделаем – это речка в озеро впадает. А тут вот заливишко подрисуем, и вокруг него как будто травка растет...» Отвернешься на миг, посмотришь снова на этот рисунок, а на нем вдруг, оказывается, никакого не озера и не речка впадающая, а журавль с длинной шей. Боже ты мой, чудо какое-то! Да еще деды прибавят!.. И я прошу: «Дед, ну нарисуй еще что-нибудь!» И он рисует, и опять появляются на бумаге чудеса...

Мы сидим с Вениамином Николаевичем на дачной веранде, только что отшумел очередной из многочисленных нынче дождей, и солнце, вынырнув из-под ополытивших туч, возвращает окрестностям живые, праздничные краски.

А дед ваш – он что, художником был?
– Нет-нет! Просто умел видеть все вокруг. Мы ведь, как правило, смотрим, но не видим простейшего. А он, скажем, нарисует кружок, рядом овал да два треугольничка – и вот вам, пожалуйста, кошка. Для ребенка это, конечно, просто фантастика... Но в деревне у нас не он один – многие наши родственники рисовали. И братья мои двоюродные, которых уж на свете нет, и соседи рисовали – по-моему, очень неплохо, и соседи соседей... Все! Причем братья рисовали всегда на кухне, потому что в комнате не разрешалось – работали так активно, что краски летели во все стороны.

Это в какие же годы было?
– Ну, поскольку родился я в 1931-м... Значит, в тридцатые и было!

Где же в те времена в деревне краски доставали? Да и бумагу...

– Краски? Да ведь это были не заграничные – какие-нибудь английские или там голландские, дорогие. Бумага и краски были самые простые, вполне доступные. Возьмите, к примеру, село Хотьково, что неподалеку от Сергиева Посада – где-то рядом были карьеры, в которых добывали пигмент для натуральных красок. Сейчас эти карьеры выработаны, и нет денег, чтобы проложить узкоколейку еще на пару-тройку километров, поэтому пигменты закупали в Индии. Но наши-то были гораздо лучше!

Да, пожалуй, и не в красках дело, не в бумаге...

– Конечно! В конце концов все знаменитые наши промыслы родились в деревне: и жостовские подносы, и дымковская игрушка, и гжель, и узорчатые наличники, и ложки расписные, и кружева вологодские, и оренбургские платки... Вечера-то зимой свободные, длинные. Кто-то по традиции в город на работу уходил, кто-то дома искал руками занятие. Да еще под песню! А когда оказывалось, что красота и кормить может, становился промысел фамильным, родовым. Словом, на досуге предавались красоте, а не досуемому пьянству!

Это вы на нынешнюю деревню намекаете? Вон соседнее с нашими дачами село Шаблыкино совсем сплыло – а тоже, говорят, мастерами славились. Может, потому и вырождается мастерство, что красота в наш век уже не кормит?

– Это, бесспорно, главная причина. Но не единственная. Я опять вспоминаю свое детство. Один из моих двоюродных братьев, Сергей Кузьмин, когда вырос, тоже стал художником-профессионалом. Он работал в журнале «Крокодил», выходила даже книжка о нем в серии «Мастера советской карикатуры», а Михаил Шолохов обмолвился где-то, что лучшие в стране карикатуристы – это Кузьминики, Борис Ефимов и Сергей Кузьмин. Так вот, Сергей, как и я, впитывал эти детские рисовальные уроки. Это я к тому, что красота в человека надо вкладывать.

Знаете, Вениамин Николаевич, мне в бытность газетным корреспондентом довелось в свое время съездить в Ереван – там в 70-е годы была, если помните, известная на весь мир детская художественная школа. Так вот, один из ее талантливых учеников лет десяти-двенадцати рисовал везде, даже на стенах своей квартиры – родители специально обои сняли на уровне его роста. А отец его отыскал в книгах древнего Матенадара рецепты красок и по весне собирал в горах каких-то жучков, чтобы приготовить для сына красный пигмент.

– Вот это и значит – вкладывать в детей отношение к красоте. Вы вспомните, сколько было по стране разнообразных кружков! В каждой школе, в домах пионеров – обязательно кружки: рисования, моделирования, фото... Дом пионеров на улице Стопани в Москве – это же настоящая ребячья Мекка была!

А как складывалось в этом отношении ваше детство?

– Опасный вопрос задаете: о детстве могу рассказывать долго... Жили мы в разных местах: сначала в Староконовском переулке, потом около Астахова моста. Там во дворе, помню, стояла водоканка – такая

Вениамин ЛОСИН: С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ЧЕЛОВЕК? КАК И РОДИНА – С КАРТИНКИ!

Вениамин Николаевич ЛОСИН – москвич, известный иллюстратор детских книг, заслуженный художник России. В 1950 году окончил Московскую детскую художественную школу (ныне лицей им. Сурикова), затем МГХИ им. Сурикова. Иллюстрировал книги в издательствах «Малыш», «Детская литература», «Советская Россия», в Болгарии, Аргентине, других странах. А в Японии уже больше 20 лет выходит «азбука» с иллюстрациями Вениамина Николаевича к русской сказке «Репка».

красивая, что ее признали архитектурным памятником. Ну а после мы переехали на Абельмановскую заставу, откуда до Суриковского института, где я учился, было метров двести-триста... А до института была художественная школа, которую разбомбили, так что заканчивать учебу пришлось уже в другом месте – в Лаврушинском, около Третьяковки.

Помню, мы слыхали от кого-то из взрослых, что в подвалах Третьяковки хранятся какие-то другие картины, запрещенные (мы еще не знали слова «запасники»). Но мы-то – будущие художники, нам, наверное, можно их увидеть! И вот несколько человек сумели каким-то образом попасть к директору. Он говорит: «Значит, хотите посмотреть? Назовите свои фамилии... Хорошо... Я сообщу директору вашей школы о том нездоровом интересе, который вы проявляете в своей учебе»...

Выходит, вкладывали в вас и такое отношение к красоте?

– Конечно. Красоты вне времени не бывает – как не бывает ее и вне возраста.

Наверное, любой взрослый помнит, как в детстве, приходя в библиотеку или в книжный магазин, непременно задавал вопрос: а эта книжка с картинками?

– Вот! Иллюстрация, особенно в книге для самых маленьких, играет, по-моему, первостепенную роль. Пусть ребенок еще не сам покупает себе книжку, ее выбирают родители, но прочесть незнакомую книжку у прилавка некогда – и все невольно смотрят на иллюстрацию. Понравятся – скажут: да, эта книжка моему ребенку интересна, полезна, я ее возьму. Ну а самим взрослым, как правило, некогда рисовать с ребенком журавликов да кошек: они заняты работой, бытом, любимыми сериалами. И малыш часто остается наедине именно с книжными картинками, через них и воспринимает окружающий мир. И если он живет далеко от больших городов, где нет музеев и не бывает выставок, то книжка – едва ли не единственный источник его эстетического образования. Люди постарше помнят, что раньше в деревнях (да и не только!), считай, в каждой избе висели на стенах репродукции из «Огонька» – такой была потребность в красоте. И не случайно в детской книге работали когда-то лучшие художники-иллюстраторы: Васнецов, Чурушин, Пахомов, Курдов, Лебедев, Конашевич... Это была гордость русского искусства того времени!

При том, что и бумага-то была отнюдь не первосортная...

– Да, качество бумаги почти всегда было низким. Но главное – огромный тираж. Только представьте: 10 миллионов экземпляров! И цена книги в буквальном смысле копеечная, хотя она включала все расходы: и на бумагу, и на краску, и на печать, и на гонорар художнику, который тоже, естественно, был мизерным. Тем не менее лучшие художники с радостью посвящали себя детской книге.

Ротов, например, иллюстрировал знаменитого «Капитана Врунгеля», Шмаиринов соотрудничал в «Мурзилке»...

А почему вы сами стали художником для детей?

– Ребенок – это же удивительный зритель! Самый добрый, отзывчивый – но и самый строгий. Ведь если в тексте сказано, к примеру, что на Емеле была синяя рубашка – попробуйте нарисовать голубую! Ребенок вам не поверит. И будет прав! Хотя даже взрослые не всегда различают эти цвета – синий и голубой. А ведь это все равно что путать красный с зеленым – совершенно разные цвета! Или читаем: «Жил высокий гражданин маленького роста». И еще: «Худенький, как бочка». Как это изобразить? А ребенка эти парадоксы очень забавляют, он их понимает. Ребенок – самый благодарный зритель. И когда я вижу, как он радуется, рассматривая интересные, красивые, достойные иллюстрации – это и для меня радость несказанная. Ведь каждая книга, подаренная ребенку, в доме всегда воспринималась как праздник независимо от того, сколько книг в домашней библиотеке. «Книга – лучший подарок» – это ведь о детях сказано!

Ну сегодня эти слова воспринимаются разве что с иронией. И дело не только в подарочных приоритетах. Когда берешь в руки пресловутого Гарри Поттера, да и другие, прости, бестселлеры, которые все на одно лицо, – оторопь берет от агрессивности, жесткости иллюстраций. Такие картинки отнюдь не «чувства добрые» пробуждают...

– В современной детской книге одна из самых болезненных проблем – пошлость. Она проявляется не только в агрессивности, о которой вы сказали. Пошлость и в слащавых кукольных личиках девочек-героинь, и в одинаковых равнодушно-кокетливых глазках, и в голубеньких-розовеньких-желтеньких цветочках – во всем!

Может, иллюстрация лишь отражает пошлость содержания?

– Не без того. Но ведь и добрые старые книжки иллюстрируют сегодня по таким же лекалам!

Почему? Ведь эти художники, надо полагать, выросли на тех же образцах, о которых вы говорили...

– Беда в том, что издателям сегодня диктуют вкус художники и даже не читатели. Им диктуют оптовые покупатели, дилеры. А у тех одна цель – продать.

Но считается, что продаваемость и есть отражение читательского спроса. Выходит, родителей устраивает такая эстетика?

– А куда им деваться? Им просто не остается выбора. Не могут же они вообще оставить ребенка без книг! Спрос – штука весьма управляемая. Ну а такие иллюстрации постепенно формируют у малыша извращенное, дурное понимание красоты... Вот мы упомянули «добрые старые книжки». Как их сегодня издают для детей? Чаще всего – в адаптированном виде. Возьмите Гулливера, Дон Кихота, Айвенго – все

адаптировано, упрощено, сокращено. Соответственно и иллюстрация прилагается примитивная. Но тот же Лемюэль Гулливер – какой же там изумительный по яркости текст! Когда Гулливер едет в карете на ладони у кого-то из великанов, а вдоль дороги нищие, по которым ползают вши размером с обычную куропатку, – это, я с детства помню, вызывает не чувство превосходства над людьми, а ощущение мерзости, безобразия, униженности для человеческого достоинства. И потом, когда Гулливер попадает к лилипутам, где он самый могущественный, возвышается над всеми и может все себе позволить, – все равно возникает то же чувство: безобразно, унижительно... И дальше, на летящем острове, в царстве новейших достижений науки и техники, увя, то же унижение человеческого достоинства. И только у лощадей Гулливер находит наконец воплощенный идеал взаимного уважения и благоговения. Вот этот идеал и есть, я считаю, то, что должен постараться передать иллюстратор книги.

Но, Вениамин Николаевич, ребенку философия Джонатана Свифта откроется, когда он подрастет. Сначала его увлекает именно сюжет, своего рода сказка...

– Да, сказка! Но и в сказки народ вкладывал свои представления об этике, эстетике и прочих важнейших основах человеческой личности. Возьмите русские сказки – ведь ребенок готов слушать их сотни раз. И хотя сюжет ему давно уже известен, все равно он попросит: «Бабушка, расскажи сказку!» А почему? Да потому что сказка в максимально яркой, увлекательной форме помогает ему понять суть человеческих отношений, постигть правила поведения в сложном окружающем мире. И все это – без прямых, докучливых назиданий.

Что-то в последнее время на книжных прилавках я мало вижу русских сказок...

– В том-то и беда! Между тем сказка – мудрейший жанр, если ее, конечно, тоже не упрощать, не адаптировать. Ведь даже «Курочку Рябу» в свое время умудрились извратить в угоду классовому сознанию. Почему, скажите, Баба с Дедом не могли разбить золотое яичко, а мышка одним хвостиком с этим справилась? Нелогично! Потом курочка якобы говорит: снесу вам яичко не золотое, а простое. А простое – что, не разобьется? Тоже мне утешение! Между тем у известного собирателя сказок Афанасьева сюжет совсем другой. Вначале курочка снесла яичко «костяно-востро-мудрено» – что-то вроде Фаберже. Ну а зачем оно в крестьянском-то хозяйстве? Вот Дед с Бабой и пытались понять: может, внутри что ценное? Но когда разбилось яичко – жалко стало, все же красивое было. И курочка утешает: мол, снесу вам яичко золотое! А уж это не только красота, но и богатство.

Выходит, чтобы даже сказку иллюстрировать, художнику немало надо знать...

– Увы, в подготовке художников книги проявились серьезные проблемы. Меня пригласили недавно в госкомиссию по при-

ему дипломных работ в родном моем Суриковском институте – зрелище удручающее. Вроде бы и преподаватели опытные, и учебная программа та же: живопись, рисунок, композиция, история русского и западного искусства, история костюма, история гравюры, шрифт, полиграфия... И все это – по многу часов в день...

Но, может, платная учеба сделала институт малодоступным для действительно талантливых ребят?

– Это тоже сказывается. И все же люди поступили, преодолели огромный конкурс плюс условия для учебы такие, что в наше время не снились: аудитории, мастерские... А вот настоящего интереса к профессии нет.

И вы знаете причины?

– Я думаю, они выходят далеко за стены института. Начну с примера. В мои студенческие годы мастерской книжной графики руководил Борис Александрович Дехтерев – образованнейший человек, который был в то же время главным художником крупнейшего издательства – Детгиза. Он говорил: «Работать в Детгизе – все равно что петь в Большом театре». Тем не менее издательство давало работу всем, кто туда приходил: книг издавалось столько, что на всех хватало. И происходил отбор лучших иллюстраторов. Это, во-первых. Во-вторых, сейчас прекратились конкурсы на лучшую книгу. Я имею в виду те массовые конкурсы, на которые все издательства – от Камчатки до Прибалтики – присылали свою продукцию. Да, были при этом нелепые квоты для национальных республик, была и политическая конъюнктура, но все же из этого вороха отбирались лучшие книжки, из них формировались передвижные выставки, которые, перемещаясь по стране, задавали определенные эстетические образцы не только художникам, но и читателям. А издательства, побеждавшие на конкурсах, получали серьезные преференции – и заказы, и материально-техническую поддержку.

Ну сегодня даже в столице перед будущими художниками другие эстетические образцы. Вас не удивляет, например, что между Центральным домом художника на Крымском Валу и художественным лицеем разместилась огромная ярмарка халтурь, на которой зарабатывают ремесленники от искусства? Какие ориентиры окажутся предпочтительнее для молодых – эмпири мастерства или прибыль подделок?

– Эти торжища у ЦДХ, безусловно, безобразны. Они имеют такое же отношение к искусству, как, например, садово-огородные ярмарки у стен Тимирязевской сельскохозяйственной академии к научно выведенным районированным сортам. Тот же Дехтерев призывает нас, студентов: надо соблюдать гигиену души! Но если начинающий художник видит, что пошлость, которая составляет основную товар на этих торжищах, покупается, приоритетом для него становится не искусство, а рыночная потребительная стоимость.

Но ведь кто-то же давал разрешение на размещение там подобных развалов пошлости?

– Конечно. Поэтому я и говорю, что проблема выходит за рамки институтов. Зачем художнику Министерство культуры, если оно не проводит никакой вразумительной художественной политики? Точно так же, как парикмахеру – министерство бытового обслуживания. Почему, например, раньше существовали льготы для детской литературы, а сейчас их нет? Отсюда запретные цены на детские книги – 150, 300, 700 рублей! Или здесь тоже нужно изобретать очередную национальную проект? И почему параллельно с коммерческими издательствами не создано Академическое издательство детской литературы, которое обеспечило бы не только отбор лучших мировых произведений, но и качественную их иллюстрацию? Уверен: возьмись за это человек с энергией Зураба Церетели – успех обеспечен!

А, может, положение не так уж плачевно? В конце концов новое время – новые песни, и у каждого поколения свои эстетические критерии.

– Спорю нет, молодежь не может повторять зады, она призвана идти дальше. Но без преемственности не может быть развития. А развития-то как раз и нет, есть деградация.

А на только что прошедшей книжной ярмарке был даже отдельный раздел детской литературы. И следующий год объявлен Годом чтения...

– Пышно наречь год – это мы умеем. А нужны не лозунги – нужны дела! Трагедия детской книги требует бить во все колокола. Потому что увеличивать рождаемость – это, бесспорно, важно для страны. Но поднять уровень человечности на душу населения неизмеримо важнее.

Беседу вел Владимир ЛЮБИЦКИЙ
Фото автора